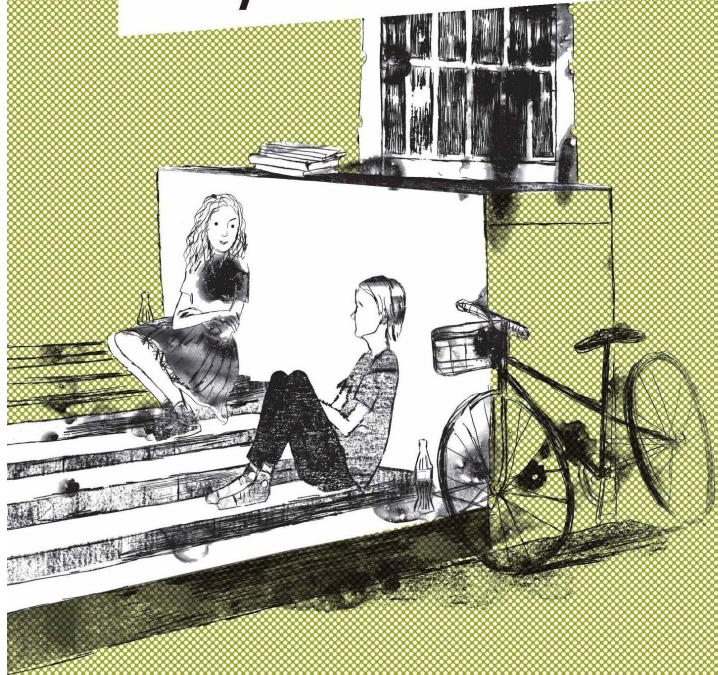


Гэри Шмидт

ПОКА НОРМАЛЬНО



Гэри Шмидт
Пока нормально
Серия «Битвы по средам», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9416707
Пока нормально: Розовый жираф; М.; 2020
ISBN 978-5-4370-0274-2

Аннотация

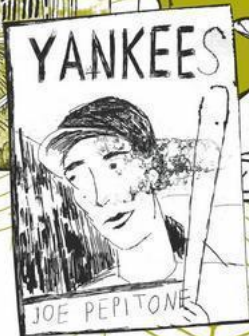
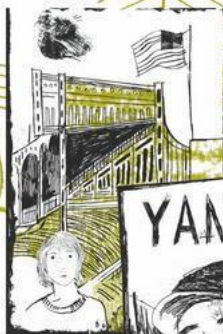
У Дуга Свитека и так жизнь не сахар: один брат служит во Вьетнаме, у второго криминальные наклонности, а с отцом лучше не спорить – не то врежет. И тут еще переезд в дурацкий городишко Мэрисвилл. Но в Мэрисвилле Дуга ждет не только чужое, мучительное и горькое, но и по-настоящему прекрасное. Так, например, он увидит гравюры Одиубона и начнет рисовать, поучаствует в бродвейской постановке, а главное – познакомится с Лил, у которой самые зеленые глаза на свете.

«Пока нормально» – вторая часть задуманной Гэри Шмидтом трилогии, начатой повестью «Битвы по средам».

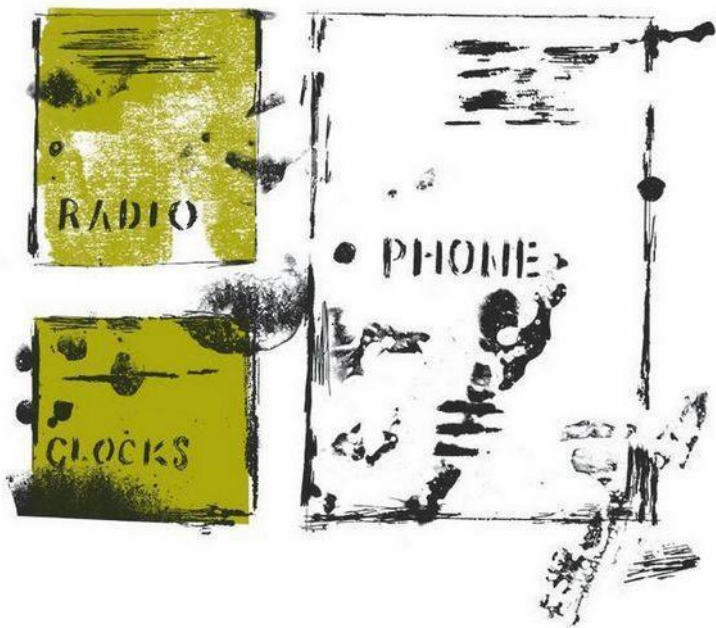
Содержание

Глава 1 / Гравюра ССЛ	11
Глава 2 / Гравюра ССП	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Гэри Шмидт
Пока нормально

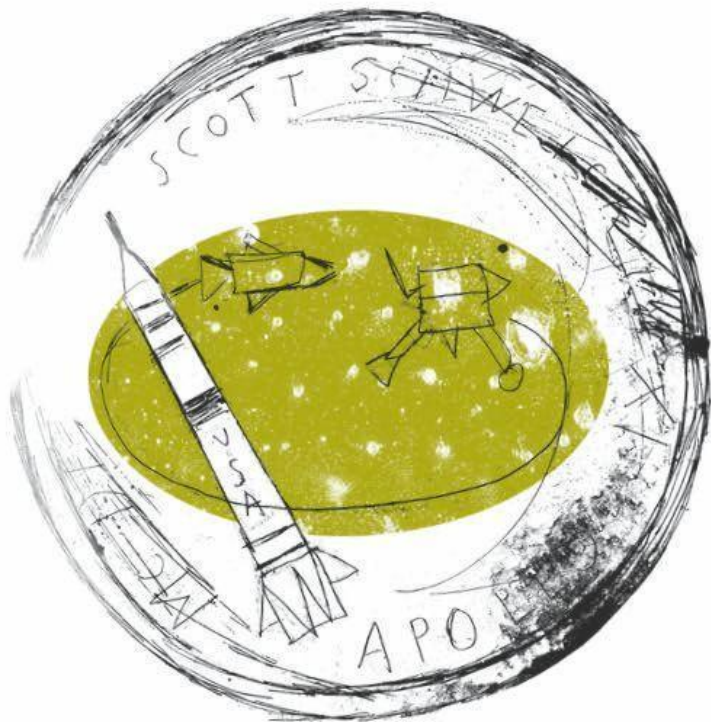


Gary D. Schmidt
Okay for Now



Copyright © 2011 by Gary D. Schmidt.

Published by special arrangement with Clarion Books, an imprint of Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.



© В. Бабков, перевод на русский язык, 2012

© Д. Богданова-Чанчикова, иллюстрации, 2014

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2019

*Моя дорогая Энн, все эти страницы для тебя –
кроме нескольких.*

*Те, другие – для Марка Хатчинса из Нью-
Портланд-Хилла, штат Мэн.*

Ты поймешь, какие его.

Но все остальные – твои,

Потому что я тебя люблю.





Глава 1 / Гравюра ССЛ

Полярная Крачка



Однажды Джо Пепитон из «Нью-Йорк янкиз» отдал мне свою бейсболку.

Думаете, я вру?

Он мне ее подарил. Мне, Дугу Свитеку. Лично.

Джо Пепитон и Хорас Кларк приехали к нам на Лонг-Айленд, прямо в нашу школу, и я кидал с ними мяч. Я, а еще Дэнни Запфер и Холлинг Вудвуд, неплохие ребята. Мы все кидали мяч с Джо Пепитоном и Хорасом Кларком и отбивали тоже. А они напевали нам, когда мы махали битой: «Ну-ка раз, ну-ка два, ну-ка бей-ка, бей-ка, бей-ка...» Такая у них была песенка.

А потом Хорас Кларк отдал Дэнни свою кепку, а Джо Пепитон отдал Холлингу свою куртку (наверное, потому, что

пожалел беднягу из-за его дурацкого имени), а потом Джо Пепитон подарил мне свою кепку. Взял ее за козырек, снял с головы и протянул мне. Вот так, запросто. Она была подписана изнутри, поэтому каждый мог убедиться, что она и правда его. Джо Пепитона.

Раньше у меня никогда не было ни одной вещи, которую до этого не носил бы какой-нибудь другой Свитек.

Я прятал ее четыре с половиной месяца. Потом про нее узнал мой тупой брат. Он пришел как-то ночью, когда я спал, и заломил мне руку так сильно, что я даже кричать от боли не мог, и велел выбирать, что мне нужнее – рука или кепка Джо Пепитона. Я сказал, что кепка. Тогда он уперся коленом мне в спину и спросил: а может, мне и спина не нужна? Пришлось сказать ему, что кепка Джо Пепитона спрятана в подвале за печью.

Ее там не было, но он сразу побежал вниз. Такой он придурок.

Тогда я быстренько натянул шорты, футболку, кепку Джо Пепитона – которая все время лежала у меня под подушкой, понял, урод? – и выскочил из дома. Только он меня все равно поймал. Затащил за гараж. Отобрал кепку Джо Пепитона. Врезал мне несколько раз по тем местам, где потом не видно синяков.

Это обычный приемчик моего... ладно, не ваше дело.

По-моему, он продержал эту кепку у себя часов десять – этого как раз хватило, чтобы я увидел его с ней в школе. По-

том он выменял на нее у Линка Вителли сигареты, а Линк Вителли продержал ее у себя один день – этого как раз хватило, чтобы я увидел его с ней в школе. Потом Линк отдал ее Гленну Дилларду в обмен на расческу. На расческу! И Гленн Диллард продержал ее у себя один день – этого как раз хватило, чтобы я увидел его с ней в школе. Потом Гленн потерял ее, когда ехал на «мустанге» своего брата, без прав и с опущенным верхом, урод. Ее сдуло где-то на Джерусалем-авеню. Я искал ее целую неделю.

Наверное, теперь она лежит где-нибудь в канаве под дождем или вроде того. И любой, кто проходит мимо, думает, что это просто мусор.

А что, они правы. Это и правда мусор. Теперь.

Но когда-то она была моей единственной вещью, которую не носил раньше какой-нибудь другой Свитек.

Понимаю. Всем остальным это до лампочки.

Я пытался поговорить про нее с отцом. Но день оказался неудачный. Почти каждый день – неудачный. Потому что почти каждый день отец приходит домой весь красный, нахмуренный и так упорно молчит, что сразу ясно: у него много чего найдется сказать, стоит только его тронуть, но лучше не надо его трогать, потому что неизвестно, где он тогда остановится, а если кто-нибудь его тронет, то дай бог, чтобы это был не мистер Красавчик Калрос, хозяин лесопилки, где он работает, потому что тогда он сам его так тронет, что Калрос навсегда перестанет быть Красавчиком, и ему плевать, если

он из-за этого потеряет свою паршивую работу, от которой его все равно тошнит.

Вот какой у меня отец, когда его лучше не трогать.

Но у меня был план.

Я хотел добиться только одного: чтобы отец взял меня на стадион «Янки». Разве это так много? Если б я только мог увидеть Джо Пепитона еще хоть один разок! Если б я мог рассказать ему, что стало с его бейсболкой! Он посмотрел бы на меня, засмеялся и взъерошил мне волосы, а потом снял бы с себя кепку и надел ее мне на голову. «На, Дуг, – сказал бы Джо Пепитон. Так прямо и сказал бы. – На, держи. Тебе она гораздо больше идет, чем мне». Вот что сказал бы Джо Пепитон. Потому что такой уж он парень.

Вот какой у меня был план. И мне надо было только одно: чтобы отец меня выслушал.

Но я выбрал неудачный день. Потому что удачных дней не бывает.

И отец сказал мне:

– Ты что, рехнулся? Что у тебя в башке, черт бы тебя драл? Я работаю по сорок пять часов в неделю, чтобы тебе было чем набить брюхо, а ты хочешь, чтобы я отвел тебя на стадион из-за какой-то паршивой кепки, которую ты потерял?

– Это не просто паршивая ке...

Вот и все, что я успел сказать. Рука у моего отца тяжелая. Такой уж *он* парень.

Никто не знает, сколько мой отец успел сказать в тот день,

когда его все-таки тронули – и тем, кто его тронул, был как раз тот самый мистер Красавчик Калрос. Но что бы он ни сказал, домой он пришел с хорошим фонарем, потому что рука у мистера Красавчика Калроса оказалась даже потяжелее, чем у моего отца.

А еще мистер Красавчик Калрос мог уволить отца, когда пожелает.

Так что отец вернулся домой с пластырем под глазом, держа в руках пакет со своим несъеденным обедом и последний из всех чеков, которые ему выдали на Лесопилке Калроса. Он посмотрел на мать и сказал: «Лучше помолчи», а потом посмотрел на меня и сказал: «Тебе, значит, паршивая кепка нужна?», а после ушел наверх и стал звонить куда-то по телефону.

Мать велела нам сидеть на кухне.

Он спустился, когда мы доедали ужин, и мать сразу вскочила из-за стола, вынула из печки тарелку – она держала ее там, чтобы не дать ей остыть, – и поставила перед ним.

– Все уж засохло небось, – проворчал он.

– Не думаю, – ответила мать.

– Она не думает, – сказал он, потом снял алюминиевую фольгу, вздохнул и потянулся за кетчупом. Намазал его на свой рулет. Густо-густо.

Отправил один красный кусок в рот.

– Мы переезжаем, – сказал он.

И жует.

– Переезжаем? – спросила мать.

– В Мэрисвилл. На край штата. – Еще один красный кусок. Жует. – На Бумажной фабрике Балларда есть местечко, и Эрни Эко обещал меня туда пристроить.

– Эрни Эко, – тихо повторила мать.

– Лучше не начинай.

– Значит, опять все будет по-старому.

– Я сказал...

– Все ночи по барам, а домой, когда ты уже...

Отец встал.

– Кого из детей на этот раз? – спросила мать.

Отец посмотрел на меня.

Я опустил глаза и занялся остатками своего рулета.

* * *

На сборы у нас ушло три дня. Все это время мать почти ничего не говорила. В первое утро она задала только два вопроса.

– Как мы дадим Лукасу знать, куда мы уехали?

Лукас – это мой старший брат, который перестал меня бить полтора года назад, когда его забрали в армию США и велели взамен бить вьетнамцев. Сейчас он где-то там, в дельте их главной реки, но больше мы про него ничего не знаем, потому что ему нельзя нам ничего сообщать, да он и так редко пишет. Не могу сказать, чтобы я сильно об этом жалел.

Отец оторвал глаза от тарелки с яичницей.

– Как мы дадим Лукасу знать, куда уехали? А почта на что? – сказал он таким голосом, от которого сразу чувствуешь себя самым большим идиотом на свете. – И разве я не просил тебя поджарить с обеих сторон? – Он оттолкнул тарелку, взялся за кружку с кофе и выглянул в окно. – Я по этому дерьму скучать не буду, – сказал он.

Потом моя мать еще спросила, тихо так:

– Возьмешь напрокат фургон?

Отец отхлебнул кофе. Раз, другой.

– Эрни Эко возьмет на фабрике. Отвезет нас, – ответил он.

Больше мать ни о чем не спрашивала.

Отец принес из супермаркета пустые ящики. В тот день стояла такая жара, что даже небо было не синее, а мутно-голубое – все, на что его хватило. В такие дни все ходят мокрые от пота, и тебе кажется, что, если бы ты сидел сейчас на верхнем ряду стадиона «Янки» – то есть на самом-самом верхнем, – там, может, и тянул бы слегка ветерок, но уж больше его точно нигде не почувствуешь. Отец дал мне один ящик – из него до сих пор пахло бананами, привезенными откуда-нибудь из тех мест, где говорят по-испански, – и велел сложить туда все, что у меня есть, а что не влезет, выкинуть. Я так и сделал, только кепку Джо Пепитона не положил, потому что она валяется в канаве под дождем – между прочим, вы бы и сами это помнили, если б вам было не наплевать.

Ну и что? Что с того? Я рад, что мы уезжаем.

После первого дня сборов у нас дома уже был полный кавардак. Везде стояли раскрытые ящики с самыми разными вещами. Сначала мать наклеила на них ярлычки и старалась все сортировать, чтобы кухонное хозяйство попало в ящики на кухне, а все простыни, наволочки и полотенца – в ящики около шкафа наверху, а самые крепкие ящики у входной двери предназначались для отцовских инструментов и остального добра. Но когда отец наполнил ящики у входной двери, он стал класть свои вещи вместе с посудой – вещи вроде отверток, гаечных ключей и тисков, которые он бросил на стопку тарелок и даже не обернулся посмотреть, когда услышал, что они разбились. Зато мать обернулась. Она вынула эти тарелки, завернутые в газету, и на минутку прижала их к себе. А потом уронила обратно в ящик, как мусор, потому что в него они теперь и превратились. В мусор.

Как кепка Джо Пепитона.

На третий день приехал с фургоном Эрни Эко, и мы – я с братом, Эрни Эко и отец – погрузили туда кровати, диван и стол со стульями. Плита и холодильник принадлежали хозяину дома, который мы снимали. После этого мы погрузили и все ящики. Мать заранее вырыла садовые растения, за которыми она раньше ухаживала, пересадила их в горшки и полила перед переездом, но Эрни Эко сказал, что для них нет места, а даже если бы и было, он может резко повернуть и тогда они все попадают и запачкают ему кузов, так что отец

велел оставить их, а нам быстро садиться в машину, потому что уже все готово.



– Еще не все, – сказала мать.

Это было так неожиданно, что мы удивились и посмотрели на нее.

Она подошла к горшкам, которые стояли в ряд на крыльце, взяла в охапку три из них и понесла к дому Макколлов, наших соседей. Потом вернулась, взяла еще три и отнесла через улицу к Петрони. Когда она снова вернулась, я хотел было подбежать и помочь ей, но отец ударил меня по плечу.

– Если ей приспичило, пусть сама таскает, – сказал он.

И Эрни Эко засмеялся, урод.

Так что мать сама разнесла все горшки, по три штуки, к разным домам на нашей улице. Люди стали выходить из дверей – они брали у нее горшки, ставили их на крылечко и обнимали мать, а потом она отворачивалась.

Вот чем я занимался – смотрел, как моя мать раздает свой сад, – когда на улице появился Холлинг Вудвуд с пакетом из оберточной бумаги. Раньше я никогда не видел его в нашем районе.

Он помахал мне.

– Привет, Дуг, – сказал он.

– Привет, – отозвался я.

– Здравствуйте, мистер Свитек.

Отец кивнул. Он наблюдал за матерью. Ему не терпелось уехать. Прошла минута. Мать снова вернулась на крыльцо за очередной порцией.

– Я слышал, вы переезжаете, – сказал Холлинг.

– Тебе не наврали, – сказал я.

Он кивнул.

– Значит, в восьмой класс уже не у нас пойдешь.

– Ну да.

Он опять кивнул. Прошла еще минута.

– Я это, – сказал он, – принес тебе кое-что, чтобы ты нас не забывал. – Он протянул мне пакет, и я его взял. Он был нетяжелый.

– Спасибо, – сказал я.

Еще минута.

– Куда едете-то?

– В Мэрисвилл.

– Понятно, – сказал Холлинг. И кивнул, как будто слышал об этом городе, хотя этого не могло быть, потому что о нем не слышал никто, кроме тех, кто там живет, а таких на свете раз, два и обчелся. – В Мэрисвилл, значит.

– В Катскильских горах, – сказал я.

Он кивнул.

– Там, наверное, попрохладней. Наверху-то.

Я тоже кивнул.

– Наверное.

Он потер руки.

– Ты там поосторожней, Дуг, – сказал он.

– Передай всем от меня привет, – сказал я.

– Передам.

Он протянул мне руку. Я ее пожал.

– Пока, Дуг.

– Пока.

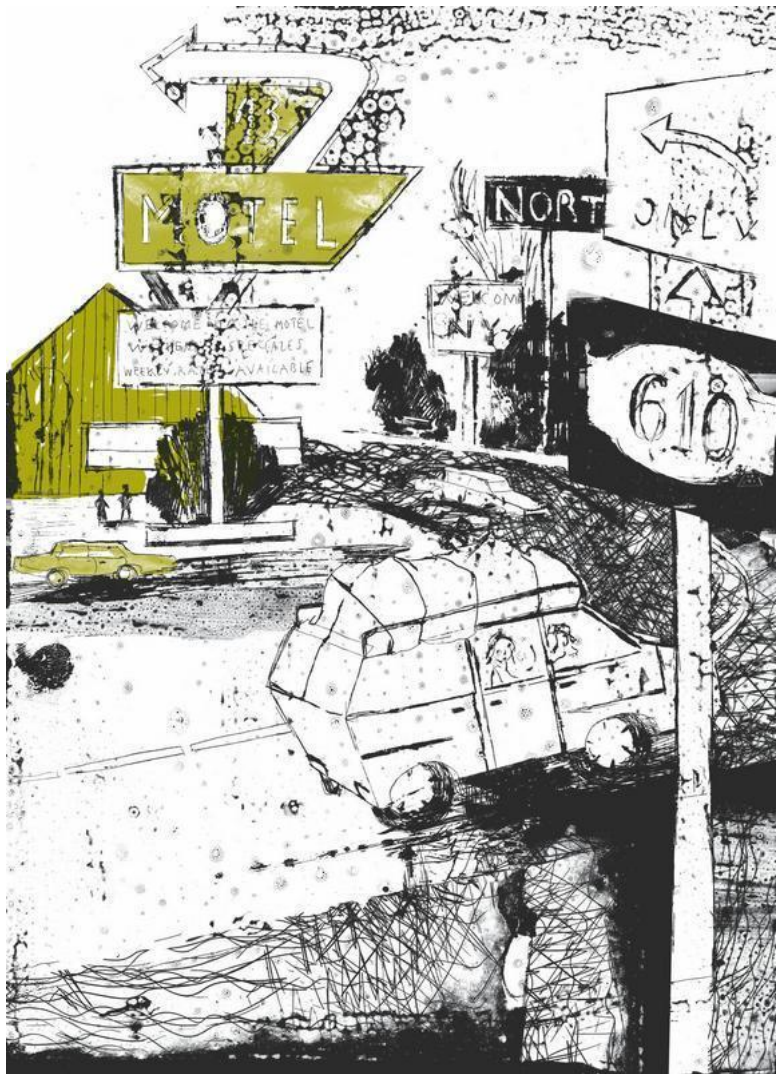
И он повернулся, пересек улицу, поздоровался с моей матерью. Она дала ему один горшочек. Он взял его – и ушел. Совсем.

– Лезь в машину, – сказал отец.

Я пошел к машине, но прежде чем залезть туда, открыл пакет Холлинга и вынул то, что в нем было. Куртку. Куртку «Нью-Йорк янкиз». Я посмотрел на подпись с внутренней стороны воротничка. Вы догадались, чья это была куртка, правда?

Я ее надел. Мне было плевать, какого цвета небо, плевать, потеют все вокруг или нет. На меня повеяло ветерком, словно я вдруг очутился на самом верхнем ряду стадиона «Янки».

– Каким дураком надо быть, чтобы подарить такую вещь летом, – сказал отец.



Я застегнул куртку.

– А ну живо в машину!

Кажется, я уже говорил вам, что Холлинг Вудвуд – неплохой парень?



* * *

Когда мы добрались до Мэрисвилла, примерно к обеду, мы нашли там дом, снятый для нас Эрни Эко, – за Бумажной фабрикой Балларда, за сортировочной станцией, за целой кучей каких-то складов и старым баром, куда заходили только очень хмурые люди. Дом оказался меньше того, который у нас был, так что мне, как раньше, пришлось поселиться в одной комнате с братом – а для Лукаса, если бы он

вернулся домой, и вовсе не нашлось бы комнаты. Брат сказал, что он готов спать на диване в гостиной, только бы не жить вместе с такой вонючкой, как я, но отец ему запретил. Сказал, нечего болтаться на виду, как будто он тут главный. И брат потащил свои шмотки ко мне.

Просто блеск.

Первым делом мне надо было найти место, чтобы спрятать куртку, пока брат не узнал, что это куртка Джо Пепитона. Если б он это знал, то сорвал бы ее с меня еще до того, как мы проехали мост через Ист-ривер. Но рано или поздно он все равно узнал бы. Так бывало всегда. Поэтому я не снимал ее, хотя мой приятель Холлинг Вудвуд ошибся: в Мэри-свилле оказалась жарница не хуже, чем на Лонг-Айленде, и я так взмок, что боялся, как бы не смыть своим потом имя Джо Пепитона.

Отец сказал, что поедет с Эрни Эко на Бумажную фабрику Балларда, чтобы подписать там какие-то документы и начать работу с понедельника, а мать сказала, что фабрика вряд ли будет открыта сегодня, в субботу, а отец сказал, много она понимает, и уехал с Эрни Эко. Поэтому мы с братом затащили в дом всю мебель, а потом я занес туда все ящики, кроме тех, что были с кухонным хозяйством, – их мать велела оставить в кузове, пока она не уберет кухню, чтобы нормальный человек мог поесть там, не боясь, что его стошнит. Не успела она закончить уборку, как отец вернулся.

И день оказался неудачный. Опять. Конечно. Отец никак

не мог понять, почему мать не привела кухню в порядок. Никак не мог понять, почему мы не вытащили из фургона ящики с кухонным хозяйством. Никак не мог понять, почему мать еще не купила продуктов. Ей всего и надо-то было что дойти до «Спайсерс дели»! Он никак не мог понять, почему стол еще не накрыт к обеду. У нее ведь хватило времени, чтобы повесить на стенку распятие, а чтобы сделать пару бутербродов, видите ли, не хватило! Притом что на часах уже два! А чего он уж совсем никак не мог понять – так это почему мистер Толстосум Баллард назначил ему жалованье чуть ли не вдвое меньше того, про какое он слышал от Эрни Эко.

Я сказал ему, что обед еще не готов, потому что откуда нам было знать, где здесь «Спайсерс дели», и к тому же он все равно забрал нашу машину, а матери надо было убрать на кухне, потому что он сам точно не захотел бы есть на такой помойке.

Отец повернулся, чтобы посмотреть на меня, а потом передо мной что-то мелькнуло – его рука.

А рука у него, как я уже говорил, тяжелая.

– Почему бы тебе не остаться здесь в своей новой куртке и не перетаскать все остальные ящики в чистую, только что убранную кухню, пока мы ищем кафе? – сказал он и велел матери садиться в машину, и брату тоже.

Брат ухмыльнулся и вскинул кулак, как будто собирался подбить мне второй глаз, – а потом они уехали и я остался

один в нашей новой Дыре.

Тогда я пошел в подвал и огляделся. Его освещала одна-единственная лампочка, ватт на пятнадцать. А может, на десять. Топка, будто огромный осьминог, разлапилась почти по всему потолку, и на ее щупальцах висела паутина, которая подлетала вверх, когда я под ней проходил. Под лестницей было пусто, темно и сухо – я увидел там несколько старых банок из-под краски, поставленных друг на дружку, пару сломанных оконных рам и что-то дохлое с клочками шерсти. Я пошарил вокруг, нашел гвоздь – в старом подвале всегда можно найти гвоздь – и прибил его сзади к одной из ступенек. Туда я и повесил куртку Джо Пепитона.

Потом я вытащил из фургона все оставшиеся ящики.

А после этого отправился исследовать славный город Мэрисвилл, штат Нью-Йорк.

Просто блеск.

* * *

Вот весь тупой Мэрисвилл в цифрах:

Восемь задританных складов и бар неподалеку от нашего дома.

Четыре квартала таких же маленьких и жалких домиков, как наши.

Двенадцать кварталов с домами, перед которыми росла трава, и на многих из этих лужаек валялись

детские велосипеды, как будто их хозяева были совсем тупые и не понимали, что их может утащить кто угодно.

Большие деревья по обочинам всех улиц.

Восемнадцать домов с флагами снаружи.

Двадцать четыре включенных оросителя.

Четырнадцать человек, сидящих на крылечках, потому что в этом придурочном Мэрисвилле нельзя заняться ничем поинтереснее. Двое помахали мне. У одного работал приемник – только он слушал не бейсбол, а какую-то тупую оперу.

Две спящие на крылечках собаки. Одна полаяла. Другая, по-моему, даже хотела за мной погнаться, но поленилась из-за жары, хотя и поняла, что я здесь чужой.

Мимо проехала девчонка на велосипеде, с корзинкой на руле. Она посмотрела на меня примерно как те собаки и покатила дальше. Тоже, наверное, поняла, что я чужой.

Ненавижу этот гнусный городишко.

И надо же было нам сюда притащиться!

Я решил свернуть налево и пойти обратно через другой квартал, чтобы люди не думали, что я потерялся или еще что-нибудь. Повернул за угол, на другую улицу. И снова увидел ту же девчонку: она ставила свой велосипед в стойку и собиралась зайти в кирпичное здание, которое старалось выглядеть очень солидно, но толку от этого было немного, потому что как бы оно ни пыжилось, вокруг него все равно

оставался этот тупой Мэрисвилл.

Я пересек улицу, как делал до этого уже миллион раз. Под кленами перед зданием была тень.

Девчонка увидела, как я подхожу. Она полезла в корзинку и достала оттуда велосипедный замок в розовом пластике. Не успел я дойти до тротуара, как она уже пристегнула велосипед к стойке и перекрутила колесики с цифрами, чтобы сбить правильную комбинацию. Потом она посмотрела на меня.

Я показал на замок.

– Меня, что ли, боишься? – спросил я.

– А что, надо? – ответила она.

Я оглядел велосипед.

– Очень мне нужно такое барахло, – сказал я. – А если б он был нормальный и я его захотел, то с твоим розовеньким замочком уж как-нибудь справился бы.

Она повернулась и вынула из корзинки несколько книг.

– А есть что-нибудь, чего ты хочешь?

– Не в этом городишке.

Ее глаза сузились. Она прижала книги к груди – как мать свои растения. И тут я кое-что понял.

Вот что я понял: я веду себя как Лукас в те минуты, когда он выглядел полным уродом, что обычно бывало прямо перед тем, как он пускал в ход кулаки.

Ну в точности как Лукас.

– Ты, наверное, только что сюда переехал, – сказала она.

Я решил, что больше не буду Лукасом.

– Пару часов назад, – ответил я. Засунул руки в карманы и вроде как оперся спиной о воздух. Этак спокойно и небрежно.

Но я опоздал.

– Жалко, – сказала она. – Надеюсь, ты попадешь под машину, и тогда мне больше не придется пристегивать велосипед. А сейчас я пойду в библиотеку. – Тут она заговорила медленно-медленно. – Библиотека – это место, где хранятся книги. Ты наверняка ни в одной не был. – Она показала на улицу. – Иди туда, закрой глаза и топай по прерывистой белой линии. Посмотрим, что получится.

– Я сто раз был в библиотеке, – сказал я.

Она улыбнулась – это была совсем не та улыбка, которая говорит «ты мне нравишься», – и взбежала по шести мраморным ступенькам к мраморному входу. Знаете, как я хотел, чтобы она споткнулась на последней ступеньке, и ее книги разлетелись бы во все стороны, и она посмотрела бы на меня, как будто спрашивая, не помогу ли я ей, а я и не подумаю, хотя, может, и подумаю?

Но она не споткнулась. Она вошла внутрь.

Допустим, я и правда ни разу не был в библиотеке – ну и что? Что с того? Да если б я захотел, я в любую мог бы пойти. А не ходил просто потому, что не хотел. Зато я был на стадионе «Янки» – а она, по-вашему, там была? По-вашему, это у нее в подвале висит куртка Джо Пепитона?

Я поднялся по шести ступенькам – и она не видела, как я споткнулся на последней, а значит, это не считается. Толкнул стеклянную дверь и вошел.

Внутри было сумрачно. И прохладно. И тихо. Может, этот тупой Мэрисвилл и дрянь городишко, но тут все было по-другому. Мрамор снаружи вел к мрамору внутри, и когда вы входили, ваши шаги отдавались эхом, даже если вы были в кроссовках. Люди сидели за длинными столами, под лампами с зелеными абажурами, и читали газеты и журналы. А дальше, сбоку, стоял еще один стол, за которым сидела библиотекарьша – на шее у нее была цепочка, а на ней очки, – и работала, будто и знать не знала, как глупо выглядят очки на цепочке, повешенной на шею. А еще дальше начинались стеллажи, и где-то среди них, наверное, бродила та наглая девчонка – выбирала себе новую порцию книг, чтобы положить их в корзинку и поехать в свой уютный мэрисвилльский домик.

Вдруг я подумал, что не хочу снова попадаться ей на глаза.

Поэтому, увидев другую лестницу – тоже мраморную, – которая полукругом шла на второй этаж, я направился туда. Ступеньки у нее были гладкие и стертые ногами, словно много-много людей вроде этой девчонки поднимались по ней много-много лет. Даже латунные перила и те сверкали, отполированные их руками.

Ну и что, если каждый житель тупого Мэрисвилла ходит в эту тупую библиотеку каждый божий день? Что с того?

Я одолел всю лестницу и попал в большую, просторную комнату, где почти ничего не было. На стене висела картина – какой-то парень с винтовкой, которую он прижимал к груди с таким лицом, как будто у него видение или что-то вроде того. А посреди комнаты стоял квадратный стол с застекленной витриной сверху. Вот и все. Столько места – и больше ничего нет. Если бы пустить сюда моего отца, вы и чихнуть бы не успели, как тут очутилась бы гора инструментов и досок, и сверлильный станок, и токарный станок, и банки, и всякий другой хлам. На полу были бы опилки, на потолке паутина, а пахло бы железом и машинным маслом.

Я подошел к столу, чтобы посмотреть, почему здесь только одна эта дурацкая вещь на всю эту дурацкую комнату.

И сразу понял почему.

Под стеклом лежала книга. Огромная. Просто гигантская. На ней без труда уместилась бы хорошая бейсбольная бита. Думаете, я вру? И целую страницу занимала одна-единственная картинка. С птицей.

Я не мог оторвать от нее глаз.

Птица была совсем одна и выглядела так, как будто падала с неба прямо в холодное зеленое море. Крылья у нее вытянулись назад, хвост тоже, а шея была слегка изогнута, точно птица пыталась развернуться, но не могла. Глаз у нее был круглый, яркий и испуганный, а клюв чуточку приоткрыт – наверное, потому, что она хотела успеть глотнуть воздуха перед тем, как рухнуть в воду. Небо вокруг нее было темное, и

воздух казался слишком тяжелым, чтобы в нем летать.

Эта птица падала, и во всем мире не было никого, кто бы ее пожалел.

Это была самая страшная картина из всех, какие я видел. И самая прекрасная.

Я навалился на стекло, поближе к птице. По-моему, даже задышал немножко чаще, потому что стекло замутилось и мне пришлось его вытереть. Но я ничего не мог с собой поделать. Черт, она была такая одинокая! И такая испуганная...

Крылья у нее были белые и широкие – сзади они заострились, как стрелы. А перья хвоста между ними были еще острее, они сужались и сужались, как ножницы. Все слои ее перьев дрожали, и я почти что слышал, как они со свистом пересекают воздух. Я соединил пальцы, как будто держал в руке карандаш, и попытался обвести по стеклу эти хвостовые перья. Они были такие острые! Если бы моя рука дрогнула даже самую капельку, то картина была бы безнадежно испорчена. Потом я обвел по контуру крылья, и шею, и длинный клюв. А потом, под самый конец, – этот круглый испуганный глаз.

На столе рядом с витриной лежала карточка, на ней было что-то напечатано. Я сунул ее в задний карман.

* * *

Когда я вернулся домой, то увидел, что мать принесла из

кафе два хот-дога, завернутых в фольгу. Внутри у них были кетчуп, и горчица, и кусочки маринованных огурцов, и квашеная капуста – все как на стадионе «Янки». Уж я-то знаю, потому что я там был, как вы могли бы помнить. Мать ходила среди ящиков и все еще прибирала на кухне, и нам было слышно, как отец внизу звенит своими инструментами и ругается. Он говорил, что мистер Толстосум Баллард – жмот, каких мало, но пусть он не думает, что может вертеть им как хочет, потому что за кого он его держит? За сосунка, что ли?

Ну нет, он нам не какой-нибудь сосунок, сказал он, когда вылез из подвала.

Он нам не какой-нибудь сосунок, сказал он, когда велел мне с братом отнести все наши вещи наверх и разобрать их, – а кончилось тем, что я отнес все сам, потому что брат не захотел.

Он нам не какой-нибудь сосунок, сказал он, когда крикнул снизу, чтобы мы прекратили бороться, выключили свет и легли спать, – хотя мы совсем не боролись, а просто брат хотел выяснить, куда я спрятал куртку, про которую он еще не знал, что она Джо Пепитона, и поэтому не слишком старался.

В тот вечер я лежал в темноте и рисовал в воздухе падающую птицу – ее крылья, раздвоенный хвост, длинный клюв. И глаз. Я рисовал их снова и снова, стараясь почувствовать, как ветер обдувает перья, удивляясь, как тот, кто ее нарисовал, смог это передать.

А потом заснул.
Ее испуганный глаз.

* * *

В воскресенье я проснулся и сразу понял, что сегодня будет один из тех отчаянно жарких дней, когда удивляешься, как на земле вообще осталось что-то живое. Солнце только встало, а комната уже накалилась. Если бы у нас были занавески, то они висели бы как мертвые.

Когда я спустился на кухню, мать была вся в поту: оладьи она сунула в духовку, чтобы не остыли, хотя духовка тут не очень-то работала, на сковородке у нее шипел бекон – слава богу, хоть одна конфорка горела, – а рядом стояла миска с болтушкой из яиц, причем надо было рассчитать все так, чтобы поджарить яичницу в жире от бекона, пока отец будет есть этот бекон с оладьями, и подать ее вовремя, а то он обязательно разозлится. Думаю, мать решила, что лучше уж попотеть, чем лишний раз нарываться.

Я вышел, чтобы она не запуталась. Все вокруг было белым-бело и дышало зноем. Солнце поднялось еще не высоко, но все равно приходилось щуриться, и от этой ослепительной белизны по телу разливалось тоскливое чувство, когда понимаешь, что день предстоит долгий, унылый и тягучий, и надо бы найти где-нибудь бассейн, и как это будет здорово, когда в него плюхнешься.



Хотя в этом тупом Мэрисвилле небось и бассейна-то нет.

Я подождал у задней двери. Солнце палило все сильнее, а я смотрел на плотно утопанную землю во дворе и удивлялся, как сквозь нее умудрились пробиться жалкие ростки

сорняков. Я ждал, когда отец позавтракает и уйдет куда-нибудь с Эрни Эко. Ждал, когда брат спустится на кухню, доест остатки оладий и тоже уйдет – скорее всего, с кем-нибудь, кто уже стоит на учете в полиции. Подождав как следует, я вернулся в дом. Мать сложила газету в несколько раз и подсовывала ее под шаткий стол.

– Ты был на солнце, – сказала она.

Я кивнул:

– Там уже жара.

– Сделать тебе яичницу?

Я покачал головой:

– Сам сделаю.

Я выпустил на сковородку два яйца. Жир от бекона был еще горячий, и они быстро начали поджариваться.

– Как думаешь, тебе будет здесь хорошо? – спросила мать.

Яйца белели на глазах.

– Наверное, – сказал я. – Не хуже, чем в любом другом месте. А тебе?

– Мне? – отозвалась она. – Не хуже, чем в любом другом месте.

Она вылезла из-под кухонного стола.

За такую улыбку, как у моей матери, передрались бы все голливудские актрисы. Думаете, я вру? По-вашему, Элизабет Тейлор умеет улыбаться? Да если б вы увидели улыбку моей матери, вы бы Элизабет Тейлор и в одну комнату с ней не пустили.

А если бы улыбку моей матери увидел Джо Пепитон, он отказался бы ради нее от бейсбола. Вот какая чудесная у нее улыбка.

Она приготовила нам гренки, а я порылся в еще не разобранных ящиках, которые так и стояли на кухне, и нашел баночку с клубничным джемом. К тому времени желтки у яиц совсем затвердели, но кого это волнует? Мы с ней съели по одному и поделили гренки, а потом тихонько посидели, хотя и в доме становилось все жарче, – я посматривал на нее и думал, смогу ли я когда-нибудь нарисовать ее улыбку, такая она была чудесная.

Я заметил, что моя рука шевелится, будто прикидывая, как это можно сделать. Но это было все равно что пытаться нарисовать перья той птицы. Я чувствовал, что мои пальцы движутся не так, как надо. Я *знал*, что они движутся не так, как надо.

После завтрака мы вместе убрали со стола. Потом вынули из ящиков все тарелки, кастрюли, крупы и так далее и разложили их по полочкам (стопку разбитых тарелок я вынес, даже не развернув). Тем временем температура в кухне поднялась градусов до ста, но когда мы оглядели кухню, то убедились, что все в ней устроено точно так, как она хотела, и когда я сказал: «Вот не думал, что когда-нибудь попаду в комнату, где можно пожарить яичницу прямо в руке», – она подошла к раковине, набрала полный стакан холодной воды и выплеснула его прямо на меня. Думаете, я вру?

Честное слово.

Потом она снова улыбнулась и засмеялась, и я тоже засмеялся, взял другой стакан и подставил его под кран, и она сказала: «Дуги, не вздумай...» – но я все равно окатил ее водой, и она стала смеяться еще громче, пока не начала всхлипывать, и тогда мы оба засмеялись еще сильнее, и она опять наполнила стакан, и я тоже, и скоро у нас под ногами хлюпало и везде висели капли.

И тут домой пришел отец вместе с Эрни Эко.

Мать посмотрела на отца, потом открыла шкафчик и достала банку с мелочью. Она дала мне несколько монеток и велела купить галлон молока – на самом деле оно у нас и так было, но я отлично понял, что к чему. Я вышел через заднюю дверь, пересек плотно утопанный двор и исчез раньше, чем случилось то, что должно было случиться.

* * *

Ночью я все слышал сквозь картонные стены. Наша Дыра – вовсе не такая помойка, как он говорит. Ну и что, если Эрни Эко видел нашу мокрую кухню? Что с того?

Я лежал в темноте, брат на нижней койке храпел, как уголовник, а я думал о чудесной улыбке моей матери. Может, она когда-нибудь ответит меня на стадион «Янки».

Я снова почувствовал, как движутся мои пальцы, стараясь уловить линии этой улыбки.

Я вернулся в библиотеку в понедельник, вскоре после того, как мой отец с руганью вышел из дома и отправился на Бумажную фабрику, где собирался объяснить мистеру Толстосуму Балларду, что он ему не какой-нибудь сосунок. Когда моя мать сказала, что, может, не стоит говорить ничего в таком духе, а надо бы, наоборот, поблагодарить, что у него есть какая-никакая работа, он ответил ей такими словами, которые вам слушать ни к чему, хотя я-то отлично их слышал, поскольку стены в нашей Дыре, как я уже говорил, картонные.

Так вот, я пришел в библиотеку слишком рано, потому что внутри было еще темно, и сел на мраморные ступени ждать — а что еще прикажете делать в этом тупом Мэрисвилле, штат Нью-Йорк? Конечно, я бы лучше покидал мячик с Хорасом Кларком, но его-то вряд ли сюда когда-нибудь занесет.

В результате я прождал чуть ли не все утро. Прохожие смотрели на меня так, как будто я неизвестно откуда взялся. По-вашему, это приятно? Сами попробуйте.

Вот если бы мимо шел Джо Пепитон, он наверняка остановился бы. Думаете, я вру? Нет, он присел бы рядом со мной на эту тупую лестницу, и мы с ним обсудили бы текущий сезон, как старые приятели. Просто поболтали бы. Например, про то, что сезон складывается не так удачно, как он

рассчитывал. Про то, что в прошлом году у него было всего тринадцать хоумранов¹ – ну и что с того? Зато в позапрошлом их было тридцать один. И даже при том, что в этом году он не слишком часто играет, у него есть шансы набрать заметно больше тринадцати. В общем, про всякое такое.

А потом кто-нибудь заметил бы, что на лестнице перед библиотекой, рядом со мной, сидит Джо Пепитон, и эта новость разлетелась бы по всему этому тупому Мэрисвиллу, и люди вроде той девчонки с придурочным розовым замком начали бы собираться вокруг и глазеть на нас и мечтать, как здорово было бы им самим посидеть рядом с Джо Пепитоном. А потом Джо Пепитон сказал бы: «Слушай, Дуг, что-то тут многовато народу. Может, пойдем куда-нибудь, покидаем малость?» И мы встали бы и пошли через толпу, и та девчонка со своим тупым велосипедом волей-неволей отодвинулась бы, чтобы нас пропустить, и все смотрели бы на нас и мечтали пойти и покидать малость с Джо Пепитоном вместо меня.

Так что я сидел на лестнице и ждал.

Но Джо Пепитон не пришел.

В отличие от девчонки с велосипедом.

Я посмотрел на нее.

– Опять в библиотеку, что ли? – спросил я.

¹ Хоумран – удар, при котором мяч вылетает за пределы стадиона, и команда бьющего может набрать максимальное количество очков. (Здесь и далее прим. пер.)

– Нет, не в библиотеку. А ты что тут делаешь?

– А ты как думаешь?

– Думаю, ждешь, пока откроется библиотека.

– Правильно. – И я откинулся на ступеньку. Этак небрежно, как в тот раз.

Она слезла с велосипеда и поставила его на подножку.

– Как считаешь, могу я тебе доверять? – спросила она.

Я подумал, нет ли тут какой-нибудь ловушки.

– Можешь, – сказал я. Хотел понебрежней, а получилось как-то неуверенно.

– Тогда посмотри за ним, ладно?

И зашагала по улице. Я наклонился и увидел, как она заходит в магазин. Через минуту она вышла оттуда с двумя бутылками кока-колы. Вернулась и протянула одну мне. Бутылка была такая холодная, что снаружи еще не растаял лед, а замерзший воздух поднялся из открытого горлышка, как туман.

Девчонка села рядом со мной.

– Смотри-ка, даже велосипед не украл, – сказала она.

– Это барахло?

– Между прочим, тебе долго придется ждать.

– Где ты взяла кока-колу?

– Мой папа – владелец «Спайсерс дели».

– То есть ты просто вошла туда и попросила у него две бутылки, и он тебе дал?

– Нет, я не просто вошла туда и попросила две бутылки.

Я попросила одну для себя, а вторую для тощего хулигана, который сидит на лесенке перед библиотекой.

– Для тощего хулигана? – я огляделся по сторонам. – Тут есть кто-то еще?

– Библиотека работает только по субботам, – сказала она. – А поскольку сегодня понедельник, тебе придется подождать здесь некоторое время. Поэтому мне стало тебя жалко, и я принесла тебе кока-колы.

– Откуда ты знаешь, что она работает только по субботам?

Она посмотрела на меня так, будто я прилетел с планеты ZX-15.

– Обычно люди узнают об этом, прочитав вывеску на двери. Там ясно написано, что библиотека открыта только по субботам.

Я отхлебнул кока-колы.

– Не заметил я твоей вывески, – сказал я. – Что это за библиотека, которая открыта только по субботам?

– А тебе-то какая разница? – спросила она.

Я вынул из кармана ту карточку, которую взял рядом с застекленной витриной, и показал ей.

– «Полярная Крачка», – прочла она вслух. – Ты хочешь посмотреть на полярную крачку? А не проще найти ее, допустим, в зоопарке?

– Не на нее саму, а на картинку, – сказал я и отхлебнул еще колы.

– Так не пьют по-настоящему холодную кока-колу, – ска-

зала она.

– Чего?

– Так не пьют по-настоящему холодную кока-колу.

– А как пьют по-настоящему холодную кока-колу?

Она улыбнулась, поднесла бутылку к губам и запрокинула ее.

И стала глотать – раз, другой, третий, четвертый, пятый. Лед на боках бутылки пополз к ней, а она все глотала, глотала и глотала.

Закончив, отняла бутылку от губ – она все еще улыбалась, – вздохнула, а потом пошевелила плечами и вроде как настроилась, точно игрок с битой, который готовится отбить мяч, а потом выдала такую отрыжку, что с ней не мог бы соревноваться даже мой брат, будь он хоть в самой лучшей форме.

Это было потрясающе. Даже птицы, которые сидели на кленах перед библиотекой, и те вспорхнули. А собаки, которые дремали на крылечках, наверное, проснулись не только в этом квартале, но и в соседних.

Она опустила бутылку и вытерла губы.

– Вот как пьют по-настоящему холодную кока-колу, – сказала она. – А теперь ты.

Что бы вы сделали на моем месте? Я поднес бутылку к губам, запрокинул ее и стал глотать – раз, другой, третий... Она шипела, и пенилась, и стреляла у меня во рту, как маленькие фейерверки.

– Знаешь, – сказала она, – а страшновато смотреть, как у тебя кадык прыгает.

И тут фейерверки взорвались – буквально, я не шучу.

Все, что шипело, пенилось и стреляло, шибануло прямо мне в нос, и кока-кола полилась на ступеньки, причем не только изо рта. Думаете, я вру? Когда вся кока-кола вышла обоими путями, глаза у меня были мокрые, как будто я вот-вот разревусь – чего я делать не собирался, но по моему виду этого было не понять, – а на ступеньках была здоровенная лужа еще шипящей кока-колы вперемешку с соплями, а то, что не попало на ступеньки, попало мне на кроссовки, что огорчило бы меня, будь они новые, но поскольку они были братнины, то я и не подумал огорчаться.

– Если ты...

– Не психуй, – сказала она. – Я же не виновата, что ты не умеешь пить по-настоящему холодную кока-колу.

Я встал. И попытался отряхнуть с кроссовок кока-колу и все остальное.

– Ну что, будешь ждать, пока библиотека откроется? – спросила она.

– Не буду.

– Отлично, – сказала она. – Тогда, может, ты подработать хочешь?

Я посмотрел на нее сверху вниз. В носу у меня еще осталось немного колы, и я боялся, что она начнет капать оттуда и я буду выглядеть как придурок.

– Подработать? – спросил я.

– Ну да. Есть работенка, как раз для тощего хулигана.

– Какая еще работенка?

– Разносить субботние заказы у моего отца.

– Разносить заказы?

Она уперла руки в бока и наклонила голову.

– К счастью, для этого много ума не надо.

– А почему я? Я имею в виду, тут в городе, наверное, сто ребят, кого ты могла бы спросить.

– Потому что тебе придется носить заказы и к миссис Уиндермир, а ее все боятся и никто не хочет к ней ходить. Но ты новенький и ничего об этом не знаешь, так что будешь в самый раз. Как тебя зовут?

– Хулиган, – сказал я.

Она снова наклонила голову.

– Дуг, – сказал я.

– А я Лил, сокращенно от Лили, сокращенно от Лилиан. Давай допивай свою кока-колу, только смотри, не прыгай больше кадыком.

Вот как я получил место разносчика субботних заказов в «Спайсерс дели» – пять долларов за каждую субботу плюс чаевые, – что, по-моему, очень даже неплохо, если учесть, что я провел в этом тупом Мэрисвилле всего два дня. Даже отец, и тот сказал, что для меня это неплохо. А потом добавил, что пора мне отрабатывать свой хлеб. Когда я начинаю?

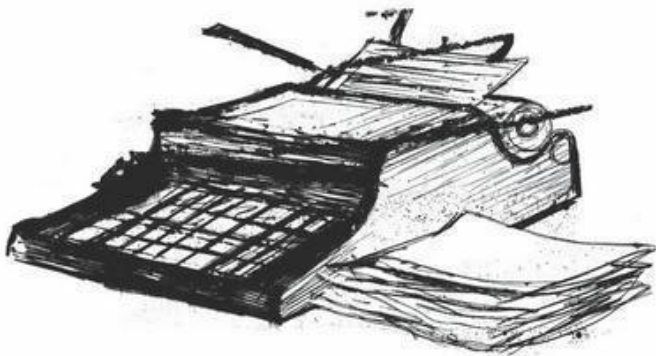
– Через одну субботу, – сказал я.

– Если бы они считали, что с тебя будет какой-то прок, они разрешили бы тебе начать в *эту* субботу, – ответил он.
Просто блеск.





Глава 2 / Гравюра ССИ Краснозобая Гагара



В следующую субботу – в ту, когда я еще не начал работать в «Спайсерс дели», хотя если бы там считали, что с меня будет какой-то прок, я бы уже начал, – я ждал на ступеньках библиотеки.

Опять.

И прохожие смотрели на меня так, будто я неизвестно откуда взялся.

Опять.

Ненавижу этот тупой Мэрисвилл.

Каждые пять минут я поднимался по шести ступенькам к дверям библиотеки, пробовал их и убеждался, что они еще

заперты, а потом отходил и садился снова. Я прождал, наверное, целый час, пока наконец не увидел ту библиотекаршу с очками на цепочке – они уже висели у нее на шее, хотя она еще даже внутрь не вошла. Она поднялась по лестнице и посмотрела на меня оттуда так, словно я залез в чужой двор.

– Мэрисвилльская бесплатная публичная библиотека открывается только в десять часов, – сказала она.

– Я знаю, – ответил я.

– Эта лестница не предназначена для того, чтобы на ней сидеть, – сказала она, – тем более что ты мешаешь другим людям, которые могут захотеть ею воспользоваться.

Я посмотрел на лицо – сначала налево, потом направо, – и сдвинулся на самый край ступенек.

– Надо же, – сказал я. – А я и не заметил всю эту толпу, которая ломится к вам в гости. Они что, не знают, что Мэрисвилльская бесплатная публичная библиотека открывается только в десять часов?

Она фыркнула. Думаете, я вру? Правда, фыркнула.

– А грубить иди куда-нибудь в другое место, – сказала она.

– Здесь только вам можно, что ли? – спросил я.

Знаю. Я вел себя как Лукас.

Она вынула из сумочки ключ, вставила его в дверь, отперла ее и вошла внутрь. А дверь за собой захлопнула. И замок защелкнула погромче, чтобы я слышал.

Ненавижу этот тупой городишко. Век бы его не видать.

Я стал ждать дальше. Прямо посередине лестницы. И ноги

растопырил так, что дальше некуда.

Прошло не так уж много времени, и на улице, с другой стороны, показался какой-то старикан. У него тоже на шее была цепочка, а на ней очки, и я чуть было не объяснил ему, каким придурком он выглядит с этими очками на цепочке, но потом сообразил, что от этого все равно не будет никакого толку. Ему, наверное, плевать, что он выглядит как придурок.



– Очень ты нетерпеливый, – сказал он. – Библиотека открывается только в десять часов.

– Мне уже объяснили, – ответил я.

Он усмехнулся, словно услышал что-то веселое.

– Видимо, ты уже познакомился с миссис Мерриам. Поэтому так и сидишь?

Я поглядел на старикана. Волосы у него росли в странных местах – в ушах, в носу, между глазами. Он и без очков на цепочке выглядел бы как придурок.

– Ага, – сказал я.

– Ты еще скажи спасибо, что она не позвонила в полицию, чтобы тебя отсюда забрали. – Он достал карманные часы – честное слово, настоящие карманные – и раскрыл их. – Уже больше половины десятого, – сказал он. – Думаю, мы не подорвем основы законопорядка штата Нью-Йорк, если я пушу тебя пораньше.

Он убрал свои часы и поднялся по ступенькам. Это вышло у него довольно медленно, и к концу он успел здорово запыхаться.

– Каждый раз их как будто становится больше, – пожаловался он и вынул из кармана ключ.

В библиотеке было даже прохладнее, чем неделю назад, – и темней тоже, потому что весь свет попадал в нее только через окна, а стекла в них были желтоватые и не очень-то прозрачные.

Миссис Мерриам подняла глаза от стола, и когда увидела меня, у нее стал такой вид, с каким люди смотрят на подошву своего ботинка после того, как наступят сами понимаете куда.

– Библиотека открывается только в десять, – сказала она.

– Совершенно верно, – ответил мой старикан, который еще слегка отдувался.

– Мистер Пауэлл... – начала она.

– Только сегодня, – оборвал ее он.

– Вы не понимаете, что значит «только сегодня». Сколько раз вы пускали сюда раньше времени дочку Спайсера, заявляя мне, что это произойдет «только сегодня»?

– И она когда-нибудь поблагодарит нас, посвятив свою первую книгу Мэрисвилльской бесплатной публичной библиотеке. – Мистер Пауэлл повернулся ко мне. – Возможно, и ты сделаешь то же самое. А теперь – могу я тебе чем-нибудь помочь?

Я покачал головой.

– Лучше я сам посмотрю.

Он кивнул.

– На твоём месте я начал бы с девятисотых номеров, вон там, – сказал он. – Но это потому, что я всегда был особенно неравнодушен к биографиям.

Я не стал смотреть девятисотые номера. Сначала я заглянул на полки с пятисотыми – они сразу нагнали на меня скуку, – потом перешел к шестисотым, которые оказались гораздо скучнее, хотя этого и трудно было ожидать. Семисотые были поинтересней, и я перелистал их целую кучу, стараясь найти там картинку с Полярной Крачкой. Но не нашел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.